

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.947.33

В. А. Лапатин

Автономия нетвердой воли: к вопросу о статусе субъекта современности

Ряд актуальных социокультурных тенденций позволяет говорить о современном человеке как о существе с нетвердой волей. Проблема рассредоточенности субъекта исследуется на примере прокрастинации. Этот психический феномен рассматривается с применением методологии философской антропологии и философии культуры. Анализ феноменологии субъекта приводит к выводу, что новоевропейское представление об автономном, наделенном самостью субъекте было изначально фиктивным теоретическим конструктом.

Ключевые слова: субъект, прокрастинация, медиасфера, самость, воля, феноменология субъекта, современная культура.

V. A. Lapatin. The Autonomy of the Unsteady Will: Concerning the Status of the Present-Day Subject

There are a number of actual social and cultural trends, which allow to speak of the present-day human as a being with the unsteady will. The question of the subject's desintegration is examined on the example of procrastination. This psychic phenomenon is considered by use of the methodology of philosoph-

ical anthropology and philosophy of culture. The analysis of the subject's phenomenology leads to the conclusion that the modern era notion of autonomous, self-sufficient subject was initially a fictitious theoretical construct.

Keywords: *subject, procrastination, mediasphere, self, will, the subject's phenomenology, contemporary culture.*

Анализируя повседневный опыт современных людей, можно заметить, насколько он дискретен, разрознен и фрагментарен. Культуры прошлого посредством механизмов мифа, ритуала, традиции обеспечивали однородность социокультурного пространства и сообщали внутреннюю целостность каждому отдельному индивиду, а также гарантировали ему относительно комфортное как в моральном, так и в социокультурном плане существование. Современное общество не знает общезначимой традиционности, с которой человек мог бы себя соотнести. Само культурное время словно бы ускорилося, а события стали происходить слишком быстро — так, что не хватает никаких антропологических ресурсов, чтобы упорядочить весь массив социокультурного опыта.

Это, конечно, иллюзия. Время течет так же, как и всегда, и событий не стало больше, однако о некоторых из них чаще и быстрее стали узнавать. Связано это с несколькими взаимообусловленными факторами. Прежде всего, следует назвать становление массового общества в первые десятилетия прошлого века. Этот процесс сопровождался, с одной стороны, ростом населения Земли, а с другой — появлением массмедиа (пресса, радио, телевидение), которые способствовали стереотипизации символического поля западной культуры. В дальнейшем, уже во второй половине XX в., возникновение новых электронных средств массовой коммуникации лишь усиливало эти тенденции и привело если не к становлению информационного общества, то к образованию новой информационной реальности, которая окружает нас сегодня и которую также принято именовать «медиаферой» или «инфосферой».

Эта реальность предстает как пространство, насыщенное событиями и полное эксцессов. Примечательно также, что для индивида, чья повседневность по большей части сохраняет рутинность и стабильность, медиафера обладает большей достоверностью, чем то, что он непосредственно наблюдает. Как уже было сказано, современ-

ный субъект значительную часть времени занят обработкой представленной в инфосфере информации безотносительно ее содержания. Нам постоянно предлагают что-то купить, присылают уведомления, сообщают о различных новостях и событиях. В результате субъект рассредоточивается в этом потоке, не замечает себя, реагируя на все новые отвлекающие факторы. Он не замечает даже свой непосредственный феноменальный опыт, внимательный анализ которого должен бы был навести на мысль о недостоверности картины действительности, представленной в медиасфере, однако этого не происходит.

Итак, субъект в пространстве собственной феноменологии не обнаруживает единства. Он все больше вовлекается в аффективную деятельность. Ему крайне трудно сохранять концентрацию, и по большому счету он вообще не слишком владеет собой. Вполне возможно, что преобладание аффективности — базовая характеристика субъекта в любую историческую эпоху, однако для современной социокультурной ситуации характерно обилие отвлекающих факторов, которое лишь усиливает тенденцию размывания внутреннего единства.

Проблему рассредоточенности субъекта нам хотелось бы рассмотреть на фоне весьма распространенного на сегодняшний день явления прокрастинации. Термин «прокрастинация» обычно определяется как склонность индивида на систематической основе откладывать важные и срочные дела на максимально долгий срок. Важно также, что это свойство психики вместе с обусловленным им поведением следует отличать от обычной лени и отдыха. Лениась, «субъект не хочет ничего делать и не беспокоится по этому поводу», в то время как «в состоянии прокрастинации человек осознает важность задания» [11, с. 116], но не может приступить к его исполнению. От отдыха прокрастинацию отличает то, что человек не восполняет запасы «психической энергии», а, напротив, тратит их вхолостую.

Вероятно, действие этого психического феномена и свою неспособность ему противостоять испытывал на себе почти каждый ныне живущий человек. Нередко, оказываясь перед необходимостью принятия решения и претворения в жизнь того или иного — порой даже не слишком важного и трудного — дела, мы всячески оттягиваем момент наступления будущего, медлим в переводе потенциального бытия в актуальное. Прокрастинация затрагивает даже удовлетво-

рение базовых потребностей организма и исполнение его биологических функций: достаточно вспомнить, как часто мы, даже будучи сильно утомленными, все же не отправляемся спать, пока еще один «последний раз» не обновим ленту в социальных сетях. Поэтому о современном субъекте, поскольку у него так сильно растягивается интервал между принятием решения и переходом к практической деятельности, можно говорить как о существе с нетвердой, размягченной волей.

Трудно оценить, насколько такое размягчение позиций субъекта составляет для него самую проблему. Мы не убеждены, что если мы справимся на этот счет у собственно прокрастинаторов, то получим однозначный ответ. Не исключено, что многие сочтут оправданным откладывание важных и в силу этого неприятных дел в угоду развлечению. Тем не менее психологи, изучающие прокрастинацию, нередко сообщают, что она является источником «негативного социального самочувствия личности» [6, с. 23] и доставляет ей много неприятностей. Применительно к аффективной стороне прокрастинации можно также вспомнить, что множество духовных и интеллектуальных традиций прошлого аналогичные состояния вполне однозначно опознают как страдание, а значительная часть усилий их адептов была направлена на преодоление охваченности и обретение контроля над внутренней жизнью сознания. В современности же мы постоянно становимся свидетелями того, как субъект вполне добровольно загружает сознание аффективной деятельностью.

Психологи, которые в основном и занимаются изучением прокрастинации, чаще всего отмечают ее негативные аспекты. Так, например, одни авторы говорят об этом феномене как о факторе дезадаптации личности [4]. Другие также отмечают дезадаптивные свойства прокрастинации как избегающего поведения, но связывают ее происхождение с перфекционизмом [2].

Достаточно часто рассматриваемое явление связывается с копингом, т. е. поведенческими стратегиями, призванными помочь человеку справиться со стрессом. При этом трудно не обнаружить противоречия, поскольку преодоление стрессовых состояний должно способствовать адаптации индивида, чего, по мнению большинства исследователей, не наблюдается у прокрастинаторов. К примеру, уже цитировавшийся коллектив авторов отмечает, что прокрастина-

ция являет собой защитный механизм и временную меру облегчения переживаемой ситуации, «когда жизненное пространство оценивается личностью как нересурсное или враждебное» [7, с. 86], однако в конечном счете она «сужает инновационные перспективы жизненного пространства личности» [Там же, с. 87]. Как копинг-стратегию, которая помогает человеку справиться с ситуацией неопределенности, рассматривает прокрастинацию и И. С. Крутько [8, с. 66—67].

Однако, несмотря на то, что исследования ведутся уже несколько десятилетий, остается много неясностей. Поэтому представляется целесообразным взглянуть на проблему прокрастинации с позиции философии, и прежде всего с точки зрения философии культуры и философской антропологии и тем самым дополнить психологические исследования, которые обычно не учитывают эти факторы. В известном смысле нам хотелось бы «реабилитировать» прокрастинацию, и для этого мы рассмотрим ее сначала с точки зрения внутреннего опыта субъекта, а затем с точки зрения тех культурных реалий, в которых последний пребывает. Другими словами, анализу будут подвергнуты феноменологические и социокультурные основания феномена прокрастинации. После этого мы перейдем к более широким философским выводам относительно природы субъекта как такового.

При изучении феноменологии в первую очередь стоит обратить внимание на то, среди представителей каких профессий наиболее часто встречаются прокрастинаторы. Говорят об академической (у студентов и преподавателей) прокрастинации, а также о профессиональной прокрастинации у менеджеров, IT-специалистов, офисных работников, журналистов, дизайнеров и пр. Трудно представить, чтобы прокрастинация могла возникнуть у фермера или у заводского рабочего. Трудовой процесс здесь стандартизирован, а результат очевиден. Токарь с самого начала знает, что нужно делать и как будет выглядеть изготавливаемая им деталь. Грузчик непосредственно, в прямом смысле, видит объем предстоящей работы. Последовательность действий при этом зачастую определена инструкциями так, что исполнителю не требуется даже обдумывать сам рабочий процесс. Если же представители этих и подобных им «нетворческих» профессий откладывают исполнение дел, то речь, скорее всего, идет именно о лени, а не о прокрастинации.

Совсем иной характер труда свойствен так называемым творческим профессиям. Эти виды деятельности требуют от актора вариативности и нестандартных решений, а также мобилизации сил в сжатые сроки. При этом стоящие задачи абстрактны, а результат и пути его достижения не всегда могут быть отчетливо представлены. Сам по себе труд менеджера, преподавателя или клерка напрямую не связан с обеспечением базовых материальных потребностей человека, а значит, откладывание не принесет немедленных негативных последствий и не грозит физическому выживанию индивида. Более того, в некоторых случаях нет никакой гарантии, что затраченные усилия, сколь бы интенсивны они ни были, приведут в итоге к успеху и к созданию продукта. Отсюда возникает тревога, снизить которую призвана прокрастинация как копинг-стратегия.

Исходя из сказанного, в порядке гипотезы мы предлагаем рассмотреть прокрастинацию не только как сугубо дезадаптивный фактор, а как своеобразную технику выполнения заданий, требующих со стороны субъекта творческое усилие.

Такое предположение, конечно, не поддается непосредственной проверке и основывается на анализе феноменологии собственного сознания. Научная деятельность в гуманитарной сфере по своим характеристикам отвечает понятию академической прокрастинации: она нелинейна, требует творческого подхода, предполагает наличие абстрактной задачи и не всегда допускает возможность составления плана. Важное и без того непростое дело — например, написание научной статьи — осложняется этими обстоятельствами. На уровне феноменологии данный процесс как таковой сопровождается негативными ожиданиями и тревогой. От субъекта требуются дополнительные интеллектуальные и морально-волевые ресурсы. И именно на этом этапе прокрастинация может быть рассмотрена как способ адаптации субъекта к некомфортной ситуации. Это проявляется в следующем: творческая задача, не имеющая однозначного решения, должна частично прорабатываться на подсознательном уровне. Чтобы это стало возможным, сознание субъекта на время необходимо заполнить механической переработкой большого объема информации. Именно это и происходит в процессе прокрастинации.

Кроме того, откладывание важных дел может иметь хоть и отрицательный, но все же практический смысл. Парадоксально, но в от-

дельных случаях тактика прокрастинации оказывается действенной: своеобразной гарантией того, что важное дело точно будет сделано, является именно тот факт, что дальше откладывать уже нельзя. И именно представители «творческих профессий» демонстрируют необычайно высокую мобилизацию при работе в авральном режиме. Несколько лет назад даже вышла шуточная книга [9], написанная профессиональным философом, в которой даются полезные советы относительно того, каким образом систематическое откладывание «на завтра» может быть использовано во благо.

Не менее важным, чем анализ феноменологии сознания прокрастинатора, является рассмотрение социокультурного контекста прокрастинации. Прокрастинация — феномен последних десятилетий. Следовательно, необходимо проанализировать, какие изменения произошли в западной культуре в этот период. О них уже говорилось в начале: это рост процессов информатизации, возникновение новых медиа, а также становление новой информационной реальности.

Психологи редко обращают внимание на то, как именно люди прокрастинируют. Процесс прокрастинации почти всегда сопровождается вовлеченностью субъекта в медиасферу (прежде всего в интернет-среду) и использованием новых средств массовой коммуникации. После распространения в последние годы карманных электронных гаджетов (смартфоны, планшеты и т. д.), которые в определенном смысле уже стали фактами телесности современного человека, наше присутствие в информационной реальности стремится к тому, чтобы быть почти круглосуточным. Нетрудно также заметить, что представители профессий, наиболее подверженных прокрастинации, в своей работе непосредственно связаны с медиасферой и информационными технологиями.

Отличительной чертой современной социокультурной ситуации является нехватка антропологических ресурсов. Информация, окружающая человека в его повседневности, избыточна. Она получается субъектом, однако, поскольку ее объем превышает все возможные лимиты человеческой психики, не перерабатывается и присутствует как бессознательный комплекс. Таким образом, находясь в перегруженном информационном поле и имея перед собой одновременно слишком много задач самого разного рода, субъект попро-

сту вынужден прибегать к наиболее простой деятельности, способствующей временному снятию напряжения. Такой деятельностью, которую психологи собственно и называют копингом, оказывается прокрастинация. Вся существующая активность при этом сводится к какому-либо примитивному действию наподобие раскладывания пасьянса на компьютере или веб-серфинга. Однако, выигрывая тактически, субъект проигрывает стратегически, т. к. эта пустая деятельность в конечном счете увеличивает долю аффективных, бессознательных процессов и психологически изнуряет человека.

Вообще, анализ феноменологии субъекта и современной социокультурной реальности приводит к выводу, что прокрастинация все более походит на самостоятельный тип деятельности, а не на дезадаптивное отвлечение от основного дела. Она затрагивает не только подготовку к исполнению задания, в результате чего начало все время отодвигается на неопределенный срок, но сопровождает и самое исполнение. Мало что так же способствует автономизации практики прокрастинирования, как вовлеченность субъекта современности в новую информационную реальность, в которой потребление «контента» как таковое становится символическим благом, самостоятельной ценностью, зачастую не связанной с решением практических задач, откладываемых «на потом». Такое положение дел вполне отвечает человеческой природе, которой вообще свойственно отделение наслаждения от витальных функций организма. Анализ этой эмансипации наслаждения даже сподвиг М. Шелера к утверждению, что «человек всегда может быть чем-то большим или меньшим, чем животное, но животным — никогда» [13, с. 48]. Данные современной этологии [1], впрочем, заставляют сомневаться в возможности столь радикального отделения человека от других живых существ, тем не менее в современном обществе информация является ценностью как таковой независимо от ее содержания. Ее потребление тем ценнее, чем ближе акт потребления находится к моменту ее появления в инфосфере. В современных условиях информация подвержена быстрой инфляции, и именно это заставляет человека постоянно обновлять интернет-страницу в социальных сетях или на новостных порталах. Нахождение в медиасфере — по возможности постоянное — становится наслаждением особого рода. Феноменологически волшебен сам процесс «общения» с гаджетом, когда под пальцами,

скользящими по экрану, мгновенно визуализируется любая желаемая реальность. Более того, без этого мы в известном смысле больше не можем чувствовать себя полноценными. Можно вспомнить, какой психологический дискомфорт вызывает временная невозможность медиакоммуникации — например, когда смартфон остался дома или когда человек оказался в местности, где нельзя выйти в Сеть.

Прокрастинация также немыслима без игры с возможностями современных медиа, в ходе которой субъект из потребителя превращается в пользователя [12, с. 102—107] (а если использовать компьютерный жаргон — в «юзера»). К этому превращению следует относиться со всей серьезностью. Многие компоненты сетевой культуры могут быть рассмотрены как разновидность современного фольклора. Пользователь при этом не изобретает новых технологий и не творит принципиально новых культурных форм, но, используя возможности современных средств коммуникации и медиа, он преобразует символическое пространство вокруг себя с тем, чтобы реализовать свои потребности в досуге. Изменения в медиасфере влекут за собой и трансформацию социокультурного порядка в целом, что среди прочего находит выражение и в практике прокрастинации, в ходе которой субъект потребляет «контент», им же самим отчасти и созданный. Сетевое творчество (на интернет-жаргоне – «креатив»), как и всякий фольклор, в значительной степени анонимно, т. е. не предполагает обязательного наличия субъекта-автора. В отдельных случаях и при большом желании автора можно установить, но его произведение недолговечно и не вполне ему принадлежит. Таким образом, в современной информационной реальности мы имеем дело с пользователем как своего рода коллективным субъектом. Он зачастую анонимен, рассеян, рассредоточен, как собственно и сама сетевая организация современной медиасферы.

Анонимность, рассредоточенность, отсутствие единства и аффективность — все эти параметры весьма сильно контрастируют с новоевропейским пониманием человека, которое мы находим в истории западной философии. Оно заключалось в представлении человека в качестве автономного субъекта, целостность которому придает наличие некоей твердой постоянной сущности, или самости. Насчет того, что именно это за сущность, новоевропейская философия представляла целый ряд концепций, в которых была предпринята попыт-

ка «сборки» субъекта. Можно вспомнить cogito, или мыслящую субстанцию у Р. Декарта. В русле поиска сущности, придающей целостность субъекту, развивалось и учение о гражданине, представленное в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и ряда других новоевропейских авторов. И. Кант разрабатывает понятие автономии воли, т. е. такого свойства, «благодаря которому она сама для себя закон» [5, с. 100]. Иначе говоря, речь идет о свободном, автономном моральном субъекте. А поскольку учение о праве в «Метафизике нравов» у И. Канта тесно связано с учением о добродетели, то из морального субъекта формируется все тот же гражданин. Немецкие романтики пытались отыскать автономный субъект в концептах личности, которая находится выше общественных условностей, а также гения, предписывающего искусству правила. В философии И. Г. Фихте «Я» оказывается не только первоначалом человека, но и онтологическим принципом. В той же парадигме самости как фундирующей субъект сущности находились персоналисты (Э. Мунье, М. Бубер, Н. Бердяев и др.).

На наш взгляд, попытки «сборки» субъекта были не вполне удачными. Самость каждый раз оказывалась фикцией, собираемой из различных внешних по отношению к субъекту факторов. Например, сильная личность романтиков все время вынуждена была испрашивать подтверждения своего существования у общества. Субъект современности — то существо с размягченной, нетвердой волей, которого мы рассмотрели в этом тексте, — весьма сильно отличается и от картезианского мыслящего субъекта, и от кантовского принципа автономии, и от фихтевского «Я». Более того, в рамках самой западной философии (обычно здесь вслед за П. Рикёром [10, с. 222—227] называют «партию подозреваемых» в лице К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда) намечается тенденция критики самостоятельности субъекта и признания его иллюзорности.

По нашему мнению, проект «сборки» субъекта изначально был несостоятелен, поскольку такого субъекта попросту не существует нигде и ни в каком статусе. Эта модель удобна для теоретизирования, но ей ничего не соответствует в реальности. Возникновение описанного нами рассеянного и лишнего целостности субъекта нельзя целиком списать на факторы информатизации и на новейшие социокультурные тенденции. По большому счету его нельзя даже в полной мере считать современным, поскольку разрозненность — «есте-

ственное состояние» нашей «внутренней жизни», а целостный субъект лишь теоретический конструкт новоевропейской философии. Можно говорить о том, что социокультурные тенденции последних десятилетий создали новые практики наподобие прокрастинации, но говорить о том, что они создали принципиально нового человека, было бы большим преувеличением. В лучшем случае нынешние реалии лишь усиливают неоднородность процессов в том потоке, который человек называет собой, но нельзя утверждать, что современность внесла дезорганизацию в изначальную целостность субъекта.

Новоевропейские авторы исходят из того, что в сознании субъекта априори должна быть целостность, что оно субстанциально, не проверяя свои предположения опытом. В том, что внутреннее единство иллюзорно, можно убедиться с помощью интроспекции. Если сконцентрироваться на том или ином акте сознания (например, контролировать вдох и выдох) и попытаться его удерживать, то очень скоро обнаружится, что внимание почти невозможно сохранять даже непродолжительное время — мысль начинает петлять и увлекаться новыми, спонтанно возникшими импульсами. Автономность субъекта весьма проблематична, поскольку в действительности мы не знаем, из какой области нашей психики приходят мысли, эмоции, влечения и все прочие «движения ума»; без должной тренировки индивид не способен отследить момент их зарождения и узнает об их существовании *post factum*, когда они уже случились. Таким образом, самый поверхностный опыт интроспекции в течение нескольких минут обнаруживает разрозненность и неструктурированность субъекта и в конечном счете несуществование души, личности, самости, «Я». Вместо этого мы находим лишь последовательность состояний сознания, а представление о монолитной самости конструируется памятью. Субъект процессуален; он складывается как поле приложения различных сил, о природе и происхождении которых человек далеко не всегда имеет представление. «Субъект» — это имя, которым наделяется совокупность психофизического опыта. Последний хоть и не распадается на части, но и какого-либо единого системообразующего принципа, который освящал бы и фундировал внутреннюю целостность субъекта, не обнаруживает. По существу, самость, личность, «Я» возникают лишь в тот момент, когда мы о них думаем или вспоминаем об их существовании, в то время как подавляющее боль-

шинство наших действий и актов сознания не сопровождаются само-сознанием. Поэтому вопрос, что же мы называем собой, по-прежнему не решен.

Все это не означает, что понятия автономного субъекта, личности или самости полностью бессодержательны. Это просто языковые конструкции, удобные для теоретизирования, и они должны восприниматься лишь в качестве таковых. В этом смысле мы вполне солидарны с В. Декомбом, что субъект правильнее представлять не в терминах самости, а в терминах действия как «агенса, который устанавливает переходное действие на себя, на первое лицо» [3, с. 18], и тогда это понятие можно непротиворечиво использовать как языковой объект и говорить о моральном, политическом субъекте или, например, субъекте права.

Аффективность, бессознательность традиционно мыслились в западной философской традиции как начало всякого зла и несчастья для человека. Трудно сказать, может ли сознание полностью осознать себя и целиком контролировать свою активность, что и составляло бы подлинную автономию. Однако, похоже, субъект современности делает все возможное, чтобы этого никогда не произошло. Для этого он еще больше занимает себя аффективной деятельностью и пытается загрузить ум переработкой огромного объема пустой информации, чему современные социокультурные тенденции только способствуют. Эту картину ежедневно можно наблюдать в транспорте, когда возвращающиеся после трудового дня люди вместо того, чтобы привести себя в спокойное состояние, «прилипают» к экранам своих электронных устройств. Примечательно, что, расходуя значительную часть «психической энергии» на переработку значительного объема информации, человек, вероятнее всего, скажет, что тем самым он отдыхает и получает удовольствие.

Прокрастинация находится в том же ряду явлений. Она также связана с потреблением электронного контента, с «распылением» сознания субъекта и размягчением его воли. Вместе с тем, учитывая все неудобства, какие прокрастинация несет за собой, мы не склонны видеть в ней только отрицательные стороны. К примеру, люди сегодня нередко демонстрируют чрезвычайно высокую скорость мышления при недостаточной его глубине, что особенно заметно при наблюдении за ними в ходе их взаимодействия с объектами медиасферы. Эта

особенность может быть использована для формирования навыков многозадачности и для интенсивной работы в сжатые сроки. Также трудно не заметить, что субъект современности не просто испытывает на себе влияние информатизации, но и сам активно преобразует информационный ландшафт, примером чему может служить сетевое творчество. Однако, пожалуй, главным достоинством современных социокультурных реалий является сам факт того, что они обнажают всю шаткость и неочевидность позиций самости. И в этом отношении мы можем быть благодарны прокрастинации уже за то, что рефлексия над ней помогает нам если не избавиться от некоторых иллюзий, главной из которых является иллюзия существования собственного «Я», то хотя бы поставить их под сомнение.

* * *

1. Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 404 с.

2. Гаранян Н. Г., Андрусенко Д. А., Хломов И. Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 72—81.

3. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

4. Евстратова Т. А. Взаимосвязь адаптации и прокрастинации личности // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2015. № 35. С. 166—167.

5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. С. 53—119.

6. Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В. Проблема влияния прокрастинации на процесс самоопределения личности // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2014. № 20. С. 22—27.

7. Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В. Прокрастинация как элемент жизненного пространства личности // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2016. С. 84—88.

8. Крутько И. С. Профессиональная прокрастинация менеджера как копинг-стратегия обеспечения психологической безопасности // Стратегии обеспечения психологической безопасности в условиях неопределенности: материалы V Международного симпозиума. 10—11 июля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 65—74.

9. Перри Дж. Искусство прокрастинации: как правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра. М.: Ад Маргинем, 2017. 128 с.

10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 704 с.

11. Сарасеко Е. С. Прокрастинация: добро или зло? // Наука и общество. 2015. № 2(21). С. 111—116 (Менеджмент, учет и анализ).

12. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

13. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.